

УДК 316.4.066+323.2

АЛЕКСАНДР РЕЗНИК,

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Обусловленность гражданских практик в Украине как отражение социально-экономического развития общества

Аннотация

В статье рассматриваются факторы гражданских практик в украинском обществе. Для выяснения этого применялась бинарная логистическая регрессия и корреляционный анализ на основе данных социологического мониторинга Института социологии НАН Украины за 2013 год. Анализ показал, что социально-экономические факторы и ключевые структурные факторы — региональная поляризация и этническое происхождение — оказались невлиятельными. Тогда как социально-психологические факторы (интерес к политике, убежденность в собственной способности контролировать власть и готовность проявить инициативу и включиться в решение местных проблем) оказались наиболее влиятельными.

Ключевые слова: *гражданские практики, социально-экономический статус, региональные и этнические размежевания, социально-психологические факторы*

Вступление

Способность общества успешно контролировать государственные институты связана с распространенностью систематических, воспроизводимых и постоянных общественно-политических действий различных социальных субъектов. Речь идет о гражданских практиках, рассматриваемых как многомерное явление — совокупность действий, которые под влиянием разных детерминант зарождаются, приобретают устойчивый характер и постепенно заполняют пространство публичной сферы. Эти практики становятся способами реализации социальных интересов разных слоев общества, уравновешивая и стабилизируя его социальную структуру. В условиях, когда традиционные, патерналистские стратегии поведения населения уже неэффективны, активные социальные субъекты, обладая необходимыми ресурсами и навы-

ками, ищут новые образцы гражданского поведения, среди которых путем селекции выделяются наиболее эффективные и, следовательно, способные стать определяющими в создании новых политических структур. Таким образом, гражданские практики в переходном обществе становятся социальным ресурсом для получения социальных позиций и благ, увеличивая шансы в стратификационном соперничестве и направляя ход политической институционализации. Кроме того, через гражданские практики проявляется феномен гражданственности — осознание гражданином своих прав и обязанностей в жизни страны, создание условий для наиболее полного раскрытия всего потенциала человека, его творческого самовыражения.

Теоретические подходы

Различают конвенциональные (традиционные) и неконвенциональные (нетрадиционные) формы гражданских практик, которые зависят от традиций политического участия. К конвенциональным формам можно отнести достаточно рутинное поведение, осуществляемое через институциональные каналы и приемлемое для господствующей в обществе политической культуры. Традиционные практики демонстрируют либо поддержку политического режима, либо стремление изменить политику режима или повлиять на нее. Неконвенциональная практика связана преимущественно с протестным поведением. К неконвенциональным формам гражданских практик, включая насильственные, прибегают тогда, когда традиционные формы по разным причинам становятся недоступными или не приносят желаемого результата.

Из всего множества теоретических подходов, которые объясняют факторы гражданской активности, в современных эмпирических исследованиях выделяется несколько, подтвердивших свою действенность и практическую значимость. Среди этих подходов можно условно выделить *структурный, социоэкономический, социально-психологический и ресурсно-мобилизационный*.

Структурный подход сосредоточен на социальных расколах, возникающих вследствие противоречий между интересами больших групп людей, обусловленными социальной стратификацией по различным признакам. Теория социальных расколов (С.М.Липсет и С.Рокал) исходит из того, что политическое поведение людей обусловлено не сознательными политическими предпочтениями, а принадлежностью к большим социальным группам, образовавшимся вследствие различий или даже социальных конфликтов. Эти различия, в частности в Западной Европе, возникли вследствие модернизационных процессов, которые размежевали центр и периферию, государство и церковь, город и село, собственников и наемных работников. В свое время институционализированные различия сформировали определенную структуру политических предпочтений граждан [Lipset, Rokkan, 1985]. То есть детерминация гражданского поведения обусловлена проявлением солидарности и идентификации с группой. Ученые также обращают внимание на существование новых “размежеваний”, “расколов”, “разделений”, “различий”. Образующиеся на этой почве группы также могут быть религиозными, этническими, языковыми, миграционными, региональными, поселенческими и классовыми [Deegan-Krause, 2007]. Социальные расколы могут быть спровоцированы и другими социокультурными измерениями, в

частности геополитическими, историческими и т.п. Особенно это касается мультикультурных обществ, когда неравный доступ разных групп к социальным ресурсам создает конфликтную ситуацию.

Социальноэкономический подход стимулом считает прежде всего социальноэкономический статус, который традиционно определяется как производный от дохода, профессии, уровня образования и т.п. Ранние попытки вычисления уровня социальноэкономического ресурса основывались на сочетании образования и дохода. Высокий социальноэкономический статус дает человеку преимущества, поскольку обеспечивает обладание необходимой информацией, навыками и компетенцией. Это также способствует усвоению необходимых норм и моделей гражданского поведения (включая чувство гражданского долга), которые могут выступать мотивами вовлечения личности в политику, что дает возможность приобрести опыт и заручиться необходимой поддержкой со стороны официальных структур [Verba, Nie, Kim, 1987: p. 286–292]. Социальноэкономический статус обусловлен распределением ряда социальных ресурсов: образование, формирующее привычку искать новую информацию, готовность овладевать новыми навыками и способность к самомобилизации; деньги, наличие которых высвобождает время для занятия гражданской деятельностью; высокий социальный статус и престиж, к носителям которых власть прислушивается охотнее; и наконец, некоторые поведенческие навыки, например, способность грамотно излагать свои требования в доступной манере, приемлемой для политиков и бюрократов. Разумеется, все эти ресурсы сосредоточены в руках социально привилегированных слоев населения.

Социально-психологический подход к изучению гражданского действия акцентирует внимание на внутриличностных факторах и возможностях самоактуализации человека в социальной жизни. Наиболее известными толкованиями актуализации гражданской активности, имеющими социально-психологическое наполнение и часто применяющимися в исследованиях политической культуры, стали концепции политической эффективности и политической вовлеченности [Dahl, 1961; Milbrath, Klein, 1962; Renshon, 1974: p. 125]. Политическая эффективность определяется как ощущение индивида, что его политическое действие оказывает или будет оказывать влияние на политический процесс. Политическая вовлеченность проявляется через интерес к политике и компетентность, которые, безусловно, способствуют активности. Возрастает субъективное осознание собственной политической компетентности и гражданского долга. Вера в собственные силы и вера в возможность реализовать свои притязания становятся решающими факторами для того, чтобы люди начали действовать. Когда важность гражданского долга перевешивает собственные эгоистические взгляды на жизнь, появляются предпосылки идентификации и солидарности с референтной группой, снижается межличностное недоверие, поскольку происходит эмоциональная насыщенность личностных отношений.

Теория мобилизации ресурсов с конца 1960-х годов доминирует в объяснении детерминантов социальных движений и гражданской активности (Дж.МакКарти, М.Залд, Р.Эш, В.Гемсон, Ч.Тилли). Согласно этой теории общественные движения следует рассматривать как целенаправленные, управляемые мероприятия, которые зависят от эффективности накопления ресурсов (денег, доступа к СМИ, статуса, навыков, образования, знаний, связей и т.п.) для развития гражданской активности и социальных движений [McCarthy, Zald, 1977; Jenkins, 1983]. Теория мобилизации ресурсов подразу-

мевают, что в современных плюралистических обществах протест становится обычным явлением, поскольку всегда существует неудовлетворенность. Это, в свою очередь, нивелирует важность факторов неудовлетворенности, поскольку плюрализм делает их повсеместными. Акторы, решившие участвовать в гражданском действии, рациональны, они взвешивают издержки и выгоды от участия (такие соображения, безусловно, связаны с влиянием теории рационального выбора). Длительность и характер участия зависят от содержания накопленных ресурсов и положения индивида в социальных сетях.

Установка, вобравшая в себя достижения теории мобилизации ресурсов и социально-психологических подходов к политической вовлеченности, получила воплощение в продолжительных эмпирических исследованиях С.Вербы, К.Л.Шлоцман и Г.Брейди. Исследуя проблему стратификации политической активности, они применили *модель гражданского волонтаризма* (Civic Voluntarism Model). Базовыми факторами этой модели стали *ресурсы, мотивация и мобилизация*. Ресурсами являются время, деньги и гражданские навыки. Эти ресурсы человек приобретает в процессе социализации через семью, школу, место работы, добровольные организации, религиозные учреждения и т.п. Гражданские навыки включают коммуникационные и организационные способности, позволяющие гражданам эффективно использовать деньги и время в гражданской деятельности. Мотивацию определяет совокупность психологических стимулов, побуждающих к участию (политический интерес, политическая эффективность, чувство гражданского долга, партийная идентификация и т.п.). Мобилизация трактуется как побуждение к участию в гражданских акциях [Verba, Schlozman, Brady, 1995: p. 269–273]. Все эти три фактора взаимно усиливаются и обеспечивают кумулятивные политические преимущества их владельцам.

Конфигурация факторов гражданских практик в украинском обществе: методические аспекты

Исследование социальной активности и протестного поведения населения Украины свидетельствуют о преобладании определенного типа факторов в зависимости от этапа развития украинского общества. В социологических исследованиях первой половины 1990-х годов среди причин возможного участия населения Украины в акциях протеста доминировали проблемы материального выживания [Бекешкина, 1993; Бекешкина, 1994, с. 37–40; Головаха, 1997: с. 61–64]. Исследования конца 1990-х — начала 2000-х годов фиксируют тенденцию идеологических размежеваний в плане протестных настроений. В частности, протестный потенциал преобладал среди людей с левой идеологической ориентацией: приверженцы социализма в большей мере, чем сторонники капитализма, декларировали свое согласие принять участие в митингах и демонстрациях протеста [Головаха, Панина, 1999; Головаха, Панина, 2001].

Этап трансформации, когда, по мнению Е.Головахи и Н.Паниной, зарождался новый институциональный кризис (1999–2004), начался с того, “что сформированная в предыдущие годы институциональная система вступила в противоречие и с потребностями наиболее активных слоев населения, и с интересами влиятельных оппозиционных политических элит, которые не нашли (или утратили) свое место в устоявшейся властной иерархии” [Головаха, Панина, 2006: с. 44]. Причинами этого, по их мнению, было

то, что, “почувствовав определенную свободу от ежедневной и изнурительной борьбы за физическое выживание, многие граждане Украины проявили повышенный интерес к политическим коллизиям, связанным с концом “эпохи Кучмы” и необходимостью выбора его преемника” [Головаха, Панина, 2006: с. 44–45]. То есть гражданская активность была обусловлена увеличением ресурсной составляющей — улучшением материального положения и наличием свободного времени. Нужно отметить, что динамика ценностных приоритетов граждан Украины накануне гражданской активизации конца 2004 года, зафиксированная в исследованиях Института социологии НАН Украины, свидетельствовала о постепенном нарастании модернизационного потенциала общественных самореализационных ценностей [Ручка, 2004]. К тому же, как показывает мониторинговое исследование Института социологии НАН Украины, постепенно, хоть и ненамного, выросла уверенность граждан в наличии возможности влияния граждан на власть, особенно на местную, в ответ на нарушение их прав и интересов.

Однако решающим стало выделение регионального размежевания с его этнокультурными особенностями, что дало основания рассматривать эти события в качестве определенного этапа этнополитического процесса в обществе. В частности, существуют мнения, что в электоральном расколе Украины начал играть свою роль фактор исторической идентичности, поэтому Оранжевая революция оказалась не столько демократической, сколько культурно-этнической [Головаха, Панина, 2006: с. 50] или национально-демократической [Степаненко, 2005: с. 23]. Кроме регионального раскола влиятельными оказались этнические, языковые различия, геополитические предпочтения и позиции по вопросу русского языка. Региональная поляризация, проявившаяся на президентских выборах 2004 года, сохранилась и на следующих парламентских выборах 2006 года, внеочередных парламентских 2007 года, президентских выборах 2010 года и частично на парламентских выборах 2012 года. В то же время анализ динамики влиятельности факторов гражданских практик во второй половине 2000-х годов зафиксировал постепенное нивелирование региональных и этнических факторов [Резнік, 2011: с. 253–271].

Таким образом, учитывая специфику украинского общества, можно очертить три типа факторов гражданских практик: структурные, ресурсные и социально-психологические стимулы. Среди структурных факторов, охватывающих все возможные линии ценностно-мировоззренческого расщепления украинского общества, можно выделить региональный и этнический. К ресурсным факторам относятся социоэкономический статус (образование, материальное положение) и наличие свободного времени. Среди социально-психологических стимулов политической вовлеченности выделяются такие факторы, как готовность к участию в местных делах, интерес к политике и субъективная возможность контроля над властью.

Гипотезы

Электоральное размежевание, которое до сих пор сохраняется и воспроизводится в поддержке, с одной стороны, власти, а с другой — оппозиции представителями определенных регионально-этнических сообществ, должно влиять на детерминацию гражданских практик, особенно протестных. Однако раздробленность оппозиционных сил, разочарование во власти со стороны ее базового электората снижает вероятность регионально-этниче-

ской обусловленности гражданских практик. Поэтому в рассмотрении факторов гражданских практик населения Украины нужно было выяснить, что важнее для их формирования – регионально-этническое размежевание или гражданский волонтаризм, основанный на социально-экономических ресурсах и социально-психологических аспектах политической компетентности и вовлеченности. Исходя из результатов упомянутых выше исследований, попробую выдвинуть следующие гипотезы:

- 1) гражданские практики в большей мере зависят от имеющихся в украинском обществе социальных расколов, обусловленных историческим развитием, а именно региональными и этнокультурными расхождениями в определении путей развития Украины;
- 2) гражданские практики в большей степени обусловлены существующими социально-экономическими ресурсами и социально-психологическими стимулами.

Описание данных

Эмпирическую базу образует массив эмпирических данных социологического мониторинга Института социологии НАН Украины за 2013 год, в программу которого был включен авторский вопрос. Выборочная совокупность опроса составляет 1800 человек и репрезентирует взрослое население Украины (старше 18 лет). По типу построения выборка трехступенчатая, стратифицированная, случайная, с квотным скринингом на последней ступени (авторы выборки: Н.Панина, Н.Чурилов). На первой ступени осуществляется отбор населенных пунктов (точек опроса), на второй – отбор адресов (исходных точек маршрута), на третьей – респондентов. Квотный скрининг на последней ступени позволяет в подвыборках каждой области Украины сохранять пропорции населения по типу поселения (областной центр/город/село), полу, возрасту и уровню образования, характерным для определенной области и определенного типа населенного пункта.

Процедура и методика исследования

Для выяснения факторов гражданских практик применялась модель бинарной логистической регрессии. Этот метод дает возможность наиболее точно изучить влияние различных факторов на зависимую дихотомическую переменную. В качестве зависимой использовалась дихотомическая переменная “участие в общественно-политических мероприятиях”, которая принимает значение 1 для группы участвовавших хотя бы в одном общественно-политическом мероприятии, и значение 0 для группы тех, кто ни в одном из таких мероприятий не участвовал. В качестве независимых переменных модели рассматриваются следующие показатели:

- “уровень образования”, измеряемый по 5-балльной шкале с возможными вариантами ответа: 1 – начальное, неполное среднее; 2 – среднее общее; 3 – среднее специальное (техникум, училище, колледж); 4 – первая ступень высшего образования (бакалавр); 5 – полное высшее образование (специалист, магистр, аспирантура, ученая степень);
- “материальный уровень жизни семьи”, измеряемый на основании вопроса “Оцените, пожалуйста, материальный уровень жизни Вашей семьи” по шкале от 0 до 10 баллов, где 0 баллов – самый низкий, а 10 баллов – самый высокий;

- *“время, чтобы добраться до работы”*, измеряемое на основании вопроса “Сколько времени Вы тратите каждый день, чтобы доехать на работу в другом населенном пункте в Украине и вернуться домой?” по 5-балльной шкале с возможными вариантами ответа: 1 — один час; 2 — полтора часа; 3 — два часа; 4 — два с половиной часа; 5 — три часа и больше;
- *“готовность к участию в местных делах”*, измеряемая на основании вопроса “Готовы ли Вы при наличии поддержки общественности проявить личную инициативу и включиться в решение актуальных проблем Вашего многоквартирного дома, улицы, микрорайона или всего населенного пункта в пределах Ваших возможностей?” по 4-балльной шкале с возможными вариантами ответа: 1 — однозначно готов; 2 — скорее готов; 3 — скорее не готов; 4 — однозначно не готов;
- *“интерес к политике”*, измеряемый на основании вопроса “В какой мере Вас интересует политика?” с возможными вариантами ответа: 1 — совсем не интересует; 2 — в определенной мере интересует; 3 — очень интересует;
- *“возможность контроля над властью”* — фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто в ответе на вопрос “Как Вы считаете, есть ли у Вас возможность контролировать деятельность властных структур?” указал любую позицию из перечня предложенных вариантов (через СМИ, суд и правоохранительные органы, общественные организации, политические партии, путем участия в выборах (депутатов Верховной Рады, Президента Украины), через референдумы, международные организации, Интернет), и значение 0 — для тех, кто указал, что не имеет никакой возможности контролировать деятельность властных структур;
- *“региональная поляризация (2004)”*, фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто указал свое местожительство в Западно-Центральном регионе (Винницкая, Волынская, Житомирская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Киевская, Кировоградская, Львовская, Полтавская, Ривненская, Сумская, Тернопольская, Хмельницкая, Черкасская, Черновицкая, Черниговская области и г. Киев), и значение 0 (для тех, кто указал свое местожительство в Юго-Восточном регионе (АР Крым, Днепропетровская, Донецкая, Запорожская, Луганская, Николаевская, Одесская, Харьковская, Херсонская области));
- *“национальность”*, фиктивная дихотомическая переменная, принимающая значение 1 для тех, кто считает себя этническим украинцем, и значение 0 для тех, кто определил себя как русского.

Изложение результатов

Как свидетельствуют результаты исследования, только каждый пятый принял участие хотя бы в одном из общественно-политических мероприятий (см. табл. 1). Если учесть характер общественно-политических практик, то население в большей мере практикует конвенциональные формы (18,9%), нежели неконвенциональные (6,9%). Привлекает внимание то, что среди общественно-политических практик наиболее распространено убеждение друзей, близких, знакомых в правоте своих политических взглядов.

Политические дискуссии с ближайшим окружением являются наиболее простым и безопасным способом выразить свое мнение, поскольку социальное взаимодействие с этой категорией людей предполагает в целом адекватные реакции собеседников и служит своеобразной первичной площадкой для “оттачивания” собственных гражданских способностей.

Несмотря на общий рост недовольства и протестных намерений в украинском обществе, воплощение их в реальные формы — гражданские практики — крайне низко: в санкционированных и несанкционированных митингах или демонстрациях участвовали соответственно 2,8% и 0,5% населения. Очевидно, что наличие протестных установок не является достаточным условием для реального поведения. Для этого нужны дополнительные факторы, которые в совокупности должны образовать необходимые и достаточные условия.

Таблица 1

**Динамика ответов населения Украины на вопрос:
“В каких общественно-политических мероприятиях Вы лично
участвовали в течение последних 12 месяцев?”, 2013**

	Варианты ответа	%*
Конвенциональные практики	Убеждал друзей, близких, знакомых в правоте своих политических взглядов	12,5
	Носил символику политического характера	2,6
	Вступал в контакт с официальными представителями власти	2,6
	Вступал в контакт с активистами политических организаций	4,1
	Участвовал в работе предвыборных штабов	–
	Участвовал в работе общественных организаций	3,1
	Рассылал сообщения политического содержания по мобильному телефону и электронной почте	0,7
Неконвенциональные практики	Собирал подписи под коллективными обращениями	3,1
	Не покупал определенных товаров из политических соображений	2,9
	Участвовал в законных митингах и демонстрациях	2,8
	Участвовал в голодовках протеста	0,1
	Участвовал в бойкоте (отказывался выполнять решения администрации, органов власти)	0,2
	Участвовал в несанкционированных митингах, демонстрациях или забастовках	0,5
	Пикетировал государственные учреждения	0,2
	Блокировал пути сообщения	–
	Принимал участие в захвате зданий государственных учреждений	–
	Другое	0,2
	<i>Ни в одном из подобных мероприятий участия не принимал</i>	80,0
	ГРАЖДАНСКИЕ ПРАКТИКИ В ЦЕЛОМ	20,0
	<i>Конвенциональные формы гражданских практик в целом</i>	18,9
	<i>Неконвенциональные формы гражданских практик в целом</i>	6,9

* Сумма процентов превышает 100, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Построение уравнения бинарной логистической регрессии влияния разных факторов на зависимую дихотомическую переменную участия в общественно-политических мероприятиях отражено в таблице 2. Итак, правильно классифицировано 69,8% общего числа анализируемых респондентов, что свидетельствует о достаточном качестве построенной модели. Построенная модель бинарной логистической регрессии влияния разных факторов на зависимую переменную достаточно прогностична, поскольку показатель *Nagelkerke R Square*, являющийся определенным аналогом коэффициента детерминации в модели уравнения линейной регрессии, показывает долю влияния всех предикторов модели на дисперсию зависимой переменной 0,469. Это означает, что рассмотренные факторы объясняют 46,9% дисперсии влияния.

Среди факторов, включенных в модель, невлиятельными оказались социоэкономические и структурные факторы, поскольку они не имеют статистически значимого влияния на участие украинского населения в общественно-политических мероприятиях (значимость коэффициентов указана в колонке *Sig.*). Анализ коэффициентов построенного уравнения (колонка *B*) отражает в целом указанное влияние каждого из социально-психологических факторов. Нужно отметить, что негативное влияние показателя готовности к участию в местных делах в контексте соответствующей шкалы означает, что чем меньше готовность населения проявить личную инициативу и включиться в решение актуальных проблем, тем меньше его фактическое участие в общественно-политических мероприятиях. То есть чем больше готовность — тем выше вероятность гражданских практик.

Таблица 2

**Логистическая регрессия и показатель частичной корреляции
для зависимой переменной “участие в общественно-политических
мероприятиях”, 2013**

Факторы	Логистическая регрессия				Корреляция <i>R (Sig.)</i>
	<i>B</i>	<i>S.E.</i>	<i>Wald</i>	<i>Sig.</i>	
Уровень образования	0,071	0,254	0,079	0,779	0,095 (0,000)
Материальный уровень жизни семьи	0,315	0,220	2,048	0,152	0,093 (0,000)
Время, чтобы добраться до работы	-0,724	0,382	3,596	0,058	-0,036 (0,686)
Готовность к участию в местных делах	-0,866	0,353	6,018	0,014	-0,283 (0,000)
Интерес к политике	1,638	0,712	5,300	0,021	0,210 (0,000)
Возможность контроля над властью	1,315	0,640	4,228	0,040	0,217 (0,000)
Региональная поляризация (2004)	0,932	0,709	1,725	0,189	0,050 (0,033)
Национальность	-0,586	1,386	0,179	0,673	-0,012 (0,621)
Constant	-2,018	2,388	0,714	0,398	

Nagelkerke R Square = 0,469.

Правильно классифицировано 69,8% объектов.

Также влиятельным оказался фактор времени, необходимого для того, чтобы добраться до работы: чем меньше на это расходуется времени, тем в большей мере человек может предаваться гражданским практикам. Однако

сравнение уровней влияния независимых переменных при помощи показателя частичной корреляции (K) этих переменных с зависимой (этот показатель показывает упорядочение факторов по относительной силе их влияния на зависимую переменную) продемонстрировало, что указанный показатель времени невлиятелен по силе, поскольку отсутствует статистическая значимость коэффициента корреляции с показателем участия в общественно-политических мероприятиях. Кроме того, установлено, что более сильное влияние оказывает социально-психологическая переменная “готовности к участию в местных делах”. Несколько меньшее по силе (но ненамного) влияние оказывают другие социально-психологические факторы — интерес к политике и субъективная возможность контроля за властью.

Выводы

Применение метода бинарной логистической регрессии и частичной корреляции показало, что гипотеза о влиянии фактора регионально-этнической поляризации не подтвердилась. В то же время предположение, что гражданские практики в большей мере обусловлены имеющимися социально-экономическими ресурсами и социально-психологическими стимулами, оправдалось только частично. Оказалось, что интерес индивида к политике, его убежденность в собственной возможности контролировать власть и готовность проявить инициативу и включиться в решение местных проблем — все это в совокупности способствует распространению гражданских практик. Тогда как уровень образования, материальный уровень жизни, этническое происхождение и региональная принадлежность не являются достаточными стимулами, которые бы детерминировали гражданские практики в современном украинском обществе. Это в целом указывает на ошибочность опасений регионально-этнического раскола Украины, поскольку существенные различия населения по этим признакам в ориентациях и установках не воплощаются в реальное поведение. С другой стороны, незначительную распространенность гражданских практик в украинском обществе можно объяснить снижением материального положения населения, его сосредоточенностью на задачах экономического выживания. Именно недостаточность социально-экономических ресурсов у населения не способствует росту гражданских практик в Украине.

Источники

Бекешкіна І. Громадська думка щодо готовності населення до соціального протесту / *І. Бекешкіна // Політичний портрет України. — 1993. — № 4. — С. 14–23.*

Бекешкіна І. Конфліктологічний підхід до сучасної ситуації в Україні / *Бекешкіна І. — К. : Абрис, 1994. — 48 с.*

Головаха Е.І. Потенціал протеста українського общества / *Е.І. Головаха, Н.В. Панина // Соціологічні дослідження. — 1999. — № 10. — С. 31–40.*

Головаха Е.І. Готовність до соціального протесту: динаміка, регіональні особливості і чинники формування / *Е.І. Головаха, Н.В. Панина // Українське суспільство: десять років незалежності (соціологічний моніторинг та коментар науковців) / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : ІС НАНУ, 2001. — С. 188–200.*

Головаха Є.І. Суспільство, що трансформується. Досвід соціального моніторингу / Головаха Є.І. — К. : Стило, 1997. — 156 с.

Головаха Є. Основні етапи і тенденції трансформації українського суспільства: від перебудови до “помаранчевої революції” / Є. Головаха, Н. Паніна // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 32–51.

Резнік О. Громадянські практики в перехідному суспільстві: чинники, суб’єкти, способи реалізації / Резнік О. — К. : ІС НАНУ, 2011. — 336 с.

Ручка А. Динаміка ціннісних пріоритетів громадян України / А. Ручка // Українське суспільство 1994–2004: моніторинг соціальних змін. — К. : ІС НАНУ, 2004. — С. 416–427.

Степаненко В. “Чи повернеться джин у пляшку?": особливості національної громадянської активності / В. Степаненко // Політичний портрет України. — 2005. — № 33. — С. 15–27.

Dahl R.A. Who governs? : Democracy and power in an American city / Dahl R.A. — New Haven ; Lnd. : Yale UP, 1961. — 355 p.

Deegan-Krause K. New Dimensions of Political Cleavage / K. Deegan-Krause // The Oxford Handbook of Political Behavior / Ed. by R.J. Dalton, H.-D. Klingemann. — Oxford : Oxford University Press, 2007. — P. 538–556.

Jenkins J.C. Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements / J.C. Jenkins // Annual Review of Sociology. — 1983. — Vol. 9. — P. 527–553.

Lipset S.M. Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments / S.M. Lipset, S. Rokkan // Consensus and Conflict: Essays in Political Sociology / S.M. Lipset. — New Brunswick : Transaction Publishers, 1985. — P. 113–186.

McCarthy J.D. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory / J.D. McCarthy, M.N. Zald // American Journal of Sociology. — 1977. — Vol. 82, No 6. — P. 1212–1241.

Milbrath L. Personality Correlates of Political Participation / L. Milbrath, W. Klein // Acta Sociologica. — 1962. — Vol. 6, No 1. — P. 53–65.

Renshon S. Psychological Needs and Political Behavior: A Theory of Personality and Political Efficacy / Renshon S. — N. Y. : Free Press, 1974. — 210 p.

Verba S. Participation and Political Equality: A Seven-Nation Comparison / Verba S., Nie N.H., Kim J. — Chicago : University of Chicago Press, 1987. — 394 p.

Verba S. Voice and Equality: Civic Voluntarism in American Politics / Verba S., Schlozman K., Brady H.E. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1995. — 640 p.